

— В Манеже открылась ваша юбилейная выставка. Она подводит итоги пройденного вами пути в искусстве, пройденного не в самых благоприятных условиях. Что вы думаете о месте и роли художника в современном обществе?

— Мне кажется, что во все времена подлинный художник выполнял миссию жреца, выражая в своем искусстве национальные идеалы, как великие скульпторы Древней Эллады и Рима, или, как это было в России, когда иконописец даже для неумолимо читаемых в своих работах понимание христианской доктрины. Иконописцы, как писал князь Трубецкой, есть умозрение в красках, то же самое можно сказать об искусстве в целом. С моей точки зрения, художник — совесть нации, и всегда, хочешь ли этого или нет, он говорит от имени своего народа, и именно поэтому настоящее искусство становится общезначимым, общечеловеческим. Другого понимания интернационального не существует в природе. Данте — итальянец, и он — для всего мира. Шекспир — англичанин, и он — для всего мира; как испанец Веласкес, немец Бетховен или как русский гений Федор Михайлович Достоевский. Художник — сам часть своего народа, а потому преступно глупы все рассуждения о том, что есть искусство для элиты, а есть искусство для быдла. Великие произведения всегда понимали все и понимали при жизни художника. А эхо славы потом в веках утверждало имя его и несло, как облако славы, за гением, превращая его со временем еще в более яркую звезду, освещающую в темноте путь всему человечеству.

Сегодня наше общество, как во все времена, но особенно сегодня, ждет от художника, от поэта, музыканта слов надежды, ответов на вопросы, поставленные жизнью, понимаемой как битва сил добра и зла. Как никогда, в нас проснулась жажда правды и стала насущной нетерпеливой потребностью. Слишком долго нас обманывали. А в это время многие художники, закаленные на прокрустовом ложе 20-х годов, а точнее говоря, абстрактно-«авангардного» искусства, предлагают нам плюрализм хамского самовыражения — три линии, комбинации пятен, ребу-сы и «наив». Выставочные залы пусты, а нам говорят: народ не дорос до такого искусства, он предпочитает ГУМ выставкам и Эрмитажу. Тогда как на самом деле народ не находит в «современном» искусстве ничего, что мучает его, он видит, что художник кладет в протанную ладонь камень, а не хлеб, предлагая все ту же конъюнктуру, которая в эпоху военного коммунизма была точно сформулирована: авангард передового коммунистического искусства. Затем ее сменила ложь жизни социальным маневром, и она стала называться социалистическим реализмом, что на деле означало умение хвалить начальство в доступных для него формах, или, как сказал А. Камю в своей нобелевской речи, — реализм того, что нет.

И сегодня, когда мы стоим на краю пропасти, о чем пишут политики, экономисты, социологи, писатели, настоящие художники не могут не переживать тревогу своего Отечества, и в этот момент особенно для нас всех важно осознать свою причастность к великому историческому пути русского народа и сделать все возможное, чтобы возродить его поправное национальное самознание. Я за равенство всех народов, за взаимовыживание. И поэтому я всегда повторяю, что русский — это тот, кто любит Россию. Русский тот, для кого судьба России — его судьба. Я против национализма во всех его формах, я за патриотизм. И в основе «русской идеи», о которой теперь так много начинают говорить, лежит уважение к национальному достоинству любого народа. Patria, родина, земля предков — это самое святое, что есть у человека. Навязанный принцип пролетарского интернационализма обернулся тем, что в нашей стране русский не мог быть русским, грузин — грузин, еврей — евреем и т. д. Всем была насильно привита абстрактная идея о советском человеке, извратившая все естественные реальные понятия. Ведь говорить, что наша история началась с 1917 года, — это чудовищное преступление перед народом. Один из гитлеровских генералов сказал: рабы не имеют прошлого. А не имея прошлого, мы не имеем права и не можем судить о будущем.

Задача художника в наше время я вижу прежде всего в том, чтобы вывести наш народ из состояния позорного беспомощества, в котором он пребывает так долго. А путеводной нитью пусть нам послужат слова Пушкина о том, что гордиться славой своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной — есть постыдное равнодушие. Почему мы почти не видим исторических картин сегодня? Наша история начинается не с 1917 года... — Зрители впервые увидели вашу новую картину «Великий эксперимент». Она продолжает развивать те же идеи, что «Мистерия XX века» и «Вечная Россия». Получился как бы триптих, в котором отразилось ваше отношение к истории России вообще и к последстварской в особенности. Об этих произведениях много спорят. Одни называют их монархическими, другие — антисоветскими, каждый понимает по-своему. А какие идеи руководят вами во время работы над ними?

— Я уже говорил об этом и хочу еще раз повторить: тому, что сейчас называют перестройкой, я отдал всю жизнь. Мои работы, выставленные теперь в Манеже, свидетельствуют о том, что на протяжении всего творческого пути я не менялся, я не отказывался ни от одного своего слова, ни от одной своей картины или заявления, так как всегда поступал согласно своей совести. И то, что вы объединяете в единое целое вещи, написанные мною в разное время, еще одно подтверждение этому. Глядя сегодня на «Мистерия XX века», вы можете увидеть, например, Сталина в море крови, расстрел государя, Муссолини, Солженицына, Столыпина, Голду Меир и так далее — все это для меня персонализированные трагические моменты нашей истории — борьба социальных и философских идей. Сейчас об этом много говорят и пишут, тогда как совсем недавно, еще вчера, об этом боялись даже подумать. Я написал эту картину более десяти лет назад. Я претерпел за нее многие неприятности и репрессии. Речь даже шла о моем высылке из страны. И если бы не широкая известность «Мистерии» благодаря многочисленным иллюстрациям в зарубежных изданиях, то трудно сказать, чем бы дело кончилось.

Мне много пришлось побороться и за портрет русского крестьянина —

Наш собеседник сегодня — Илья Сергеевич ГЛАЗУНОВ, ректор Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества, самый известный и самый спорный художник нашего времени. У нас в стране и за рубежом хорошо знают его исторические полотна на тему России, портреты знаменитых деятелей культуры и искусства, иллюстрации к произведениям классической литературы. Имя Илья Глазунова вот уже тридцать лет не сходит со страниц газет и журналов, и каждая его выставка проходит с неизменным успехом. У него есть и преданные поклонники, и непримиримые враги, так что споры вокруг его творчества не утихают. Тема России, ее грядущее возрождение стала главной в беседе нашего корреспондента с Ильей Сергеевичем Глазуновым.

Илья Глазунов:

«Кто любит Россию — меня поймет»

«За Ваше здоровье», которому я хотел в ноги поклониться за его великие страдания. Он сидит в кондлагерском ватнике на фоне плакатов — человек, который, может быть, брал Берлин. И несмотря ни на что, он приветлив, не озлоблен, он несет свой крест. На косяках таких труженников строилось благосостояние мирового коммунизма. Я хотел показать, что русский народ есть самая большая жертва великого эксперимента в противовес модным сегодня измышлениям о так называемой экспансии русских.

В меру ответственных мне богом сил я пытаюсь осмыслить исторический путь России, откликаться на празднование тысячелетия принятия христианства, хотя справедливости ради я должен заметить, что это историческое событие случилось не тысячу лет назад, а гораздо раньше, когда, как говорит предание, апостол Андрей Первозванный, получив свой жребий в Скифию, прибыл в Крым — Тавро-Скифию. В своих работах мне хотелось напомнить о наших первоисточниках — о священной книге Ригведы, об Отенной проповеди Зороастра, запечатленной в «Авесте», о переселении народов с общей прародины, о страшном погроме Золотой орды, которая, как смерть, обрушилась на великое цветущее государство — Древнюю Русь. Мне хотелось показать в литургическом шествии строителей Российского государства: мыслителей, государственных деятелей, полководцев, художников, поэтов, литераторов и русских святых, которые, будучи духовными пастырями народа, навечно запечатлели имена свои в истории Отечества и нашей цивилизации. Мне хотелось развеять миф о том, что Россия была тюрьмой народов, и утвердить реальное положение — она была самой свободной, самой богатой страной. И нам добровольно таянулись наши братья грузины, армяне, украинцы и многие другие народы и народности. Это был могучий замирный союз. У нас никогда не было колоний, мы никого не грабили, мы не торговали рабами, как американцы неграми. И если мы посмотрим на карту России, мы увидим, что не бездельниками, не пьяницами создано это великое государство. И в этом мы лишены разубеждения, прочитав восхищенные отзывы иностранцев об удивительной, полной тайн стране, или хотя бы книгу нашей современницы американки Сюзан Масси «Россия — страна Жар-птицы». Мы найдем и там исторические факты о том, что могучая, культурная, духовно богатая и свободная страна щедро несла свой свет всему человечеству. Когда Нижегородская ярмарка была эталоном мирового рынка. И сегодня, решая так называемый русский вопрос, мы должны понимать, что, как это и всегда было, от судьбы России во многом зависит будущее всего человечества.

— На открытии выставки я видела среди зрителей людей, одетых в царскую офицерскую форму. Видно, это своего рода демонстрация того политического и нравственного идеала, который они видят в ваших картинах?

— На выставке были представители ЦК партии, Верховного Совета, разных ведомств, и я сразу заметил двух молодых людей в элегантной красной форме русского царского воинства, приехавших, как выяснилось, из Санкт-Петербурга. Их маленькое товарищество, из четырех-пяти человек, занимается благородным делом — защитой национальных святынь. Совсем недавно эти молодые люди провели рейд по могилам русских полководцев. От них я узнал, как надругались над прахом великого Скобелева, о его оксверненной и разграбленной могиле. А с именем этого гениального полководца солдаты защищали наших братьев-славян. И Болгария до сих пор свято чтит память о русском генерале. В Москве же его памятник уничтожен. Оказывается, эти молодые люди давали объяснения зрителям на моей выставке. Они рассказывали о полководцах, о Патриархе Гермогене, о русских святых... И я говорю приветствовать ростки национального возрожде-

ния в любых проявлениях — через изучение истории или через любование, восхищение красотой национального костюма, русской военной формы. И, может, потому мне самому так дорога форма русского воинства, что я помню, как маленьким мальчиком я рассматривал оставшийся от моего двоюродного деду — генерала Григорьева, директора Санкт-Петербургского кадетского корпуса, книги и открытки об истории русского военного костюма. Не меньшую гордость вызывает у меня, как и у каждого человека, красота русского народного костюма — воронежского, рязанского, курского, северного — равно неповторимых, которые надежно заменил советский кондлагерный военный ватник, ставший одновременно национальной одеждой русского, выбитого с корнем сильного трудового крестьянства. А в других братских республиках чтут и хранят свои национальные костюмы.

— В наше время идет суд над

прошлым, подчас жестокий и поспешный. Но главное для человека все-таки настоящее и ближайшая будущая. Я вспоминаю вашу новую картину, что выставлена сейчас в Манеже, — «Сейте». В центре ее крестьянин, на глазах у него кровавая повязка, он ничего не видит, что же он сеет? И сам он — олицетворение прошлого или настоящего? И как понять ваши слова о том, что нас ждет Апокалипсис, но врата Адава не одолеют?

— Если вы внимательно посмотрели на мою картину, то, наверное, помните, что впереди Сейтея я изобразил Отрона, исполненного решимости. Мать, которая несет, закрывшись от ужаса нашего времени, икону Спаса Нерукотворного. Как вы знаете, Спасителю, когда он шел на Голгофу, встретил женщину, полную сострадания к нему. Она дала ему свой плат, утерев смертный пот и кровь. Дома, развернув его, она увидела божественной волей отпечатанный образ Спасителя. И образ Спаса Нерукотворного долгое время был боевым знаменем русских воинов. Слепой Пахарь сеет души человеческие. Но сегодняшнее время — разрушенные храмы, агония нравов, культ Вафомета, разврат и предательство. А в город XX века въезжает Старуха вместе с Антихристом, который по внешнему виду похож на Христа. Как говорится в Священном писании, зло в мир придет в маске добра. И наше время это подтверждает, смешая понятия добра и зла. Пахарь не видит, что он сеет и в какое поле, но, надеюсь я, Отрок смеет его, и мы будем знать, что и на каком поле мы должны сеять. Пока же мне представляется, что мы напрасно пускаем свои силы в говорильню и бесконечной ругани над телом раненой Отчины, вызываящей о помощи. Врачи спорят, а раненый истекает кровью... Мы сейчас переживаем апокалипсическое время, но сроки конца мира не обозначены. Мы можем судить о нем только по приметам и симтомам. Однако приметы и симптомы — не есть еще конец мира, поэтому и говорится: врата Адава не одолеют, то есть силы зла, ненависти, разрушения бессильны перед высоким Промыслом и назначением человека на земле, определенное ему Творцом. И любите теории, несущие смерть и кровь, «ненавистную рознь мира сего», — преступны, они, как раковая опухоль, покрывают все живое и тем самым жигают и себя. Все живое от промыслительной силы Творца. И я верю в человека, потому что он — образ и подобие Божие. И сегодня уже трудно верить в то, что человек произошел от обезьяны, по моему, куда справедливее звучит мысль, что обезьяны — это выродившиеся люди. И я верю в очищение, я верю в возрождение страны, мы обрели эти надежды вместе с перестройкой, которая непременно должна затронуть душу человека, вернуть ему духовность, чувство собственного и национального достоинства, а также возродить его энергию, вернуть землю крестьянину — и сделать его хозяином своих трудов, пробудить личную творческую инициативу граждан. Отечества. Я страстно желаю бы, чтобы наконец прекратилась губительная тенденция обворовывания российского народа — донора, за чей счет совершается революция и коммунистические движения в слаборазвитых странах. Мы видим теперь, что фактически все, кому мы помогли, в порывах «интернационального» долга стали нашими врагами. Значит, политика пренебрежения интересами своего народа обрывается национальной трагедией и потому интернациональной.

— Верите ли вы в особую предназначение России, в исключительную, предначертанную ей свыше роль в мировом историческом круговороте?

— Я могу верить или не верить, но Россия уже доказала это, приведу только два примера. Первый — когда она спасла Европу от нашествия азиатских полчищ. И если бы не было Куликовской битвы, этнический состав Европы и ее бытие были бы совсем другими. Другим был бы весь мир. И второй пример. Россия, думаю я,

дала урок миру, как не надо строить социализм и как может когда-то процветающее государство дойти до полной нищеты и вырождения.

Сегодня мы как никогда в окружении врагов, и спасение России зависит только от нас самих. Никто не хочет помочь нам реально, никто не хочет возрождения великой державы, потому что тогда мы не будем нуждаться ни в «спонсорах», ни в материальных подкачках, ни в займах. Опять русский рубль будет самой устойчивой валютой в мире. Опять русская культура будет захлестывать своим яростным напором духовности устои машинной цивилизации Запада. Но если не будет коллективной воли, а проще сказать, соборного самознания народа, то Россия может так же исчезнуть, как когда-то исчезли эллины, как пала Византия, как исчезла Римская империя и многие другие цивилизации и народы, забытые навсегда.

Я верю, русский народ поднимется

И такому мнению об истории России помогла мировая пресса, которая упорно насаждала идею, что Кремль продолжает линию русских царей. На «русскую идею» надели стальную маску мировой революции. В этот бред верили, тогда как между старой Россией и СССР — пропасть.

Старая Россия держалась на трех лозунгах: православие, самодержавие, народность. А после революции — на атеизме, диктатуре пролетариата и интернационализме. Ничего общего в принципе, как и в их жизненных проекциях. Пора дать принципиальную оценку пережитой нашей страной трагедии и строго разобраться в ее причинах. Пока этого не сделано, трудно ожидать последовательности от перестройки, которая должна создать условия для развития естественного организма человеческого общества, где есть слово «мое», где есть понятия «мой труд», «мой дом», «моя мать», «моя Родина», «моя любовь»... Сколь-

ко можно перестать на покоевшемся здании кршшу?

— Вы иногда ссылаетесь на Бердяева, однако он считал, что русская революция была детерминирована той исторической ситуацией, которая сложилась тогда в начале века — война, бессилье монархии, народные волнения. Не идеализируете ли вы историю России?

— Когда Ленину сказали, что началась революция, он не поверил в это. И ни одна страна не может быть детерминирована ни на монархию, ни на фашизм, ни на коммунизм. История революции и захват власти большевиками сейчас досконально изучается, из статей, книг вытекает очевидный вывод — Россия была жертвой организованной агрессии, и результаты успеха большевиков заключаются в том, что они превратили Россию в плацдарм для мировой революции. Эта идея оказалась функцией. Тогда появилась теория о победе социализма в отдельно взятой стране. Книга Ленина «Развитие капитализма в России» — подтверждение тому, что ни о каком отсталом застое России не могло быть и речи. Судя по статистическим данным, приведенным в этой книге, страна быстро богатели и стремительно переняла во многом Америку. Учебники истории, по которым учатся наши дети, — образцы чудовищной дезинформации, по ним получается, мы вышли из плыли. Грубая и вульгарная социология великой державы. А значит, мы и сравнивать не должны, что было, а что теперь? Юрий — легенда, славные, когда подходишь вранги, забирался под воду и дышал через тростинку...

— Так что давайте не будем подвержены пропаганде, давайте изучать реальную историю. Там мы найдем неопровержимые доводы против всеобщих фальсификаций и выдумок о русском народе, в том числе о его неполноценности, лени и прочее. В нашей стране реально воплощены идеи марксизма-ленинизма, а потому не надо пенять на русский народ, если результаты великого эксперимента кому-то не нравятся. Говоря о России и россиянах, я хочу еще раз подчеркнуть, что русский — это тот, кто любит Россию.

— В вашем творчестве большое место занимают произведения на библейские сюжеты, как вы думаете, в чем сила христианских идей, почему они живут в нас, ведь и сегодняшняя жизнь, и вся история человечества доказывают невозможность их реализации?

— Животное, как и человек, ест, спит, любит, рождает потомство, но только человек может сказать — «я» и осознать свою неповторимую личность — индивидуальность, свое бессмертие души, потому что он — образ и подобие Божие. И главное, человек без веры не может жить. Только животные не верят. Достоевский говорил, что совесть — это отражение бытия Божьего в сердце человека. Марксистско-ленинская философия нам внушила, что надстройка зависит от базиса, чем выше экономическая формация, тем выше надстройка. Но сам Маркс считал недостижным совершенство искусства древних греков. Очевидно, корни расцвета античного искусства надо искать в их нравственно-религиозном сознании, определяющем, что есть добро и что есть зло, в чем смысл жизни и т. д. Христианство и осознание явления Спасителя, который провозгласил примат духа над материей: царство мое не от мира сего. Бог — есть любовь, سموквинду, не дающую плода, срубил. Этого не было ни в одной религии мира, и ни одна религия не имеет в своей основе понятия о богочеловеке, о спасении через жертву. И родилось удивительной красоты искусство нашей цивилизации, в частности — икона, с ее непостижимым миром цветových созвучий, певучих силуэтов, неизъяснимой силой внушения духовности и очищения. Нет веры — ничего нет, ни добра, ни счастья, ни искусства, тогда начинают властвовать на земле разрушительные инстинкты, льется кровь, брат убивает брата.

— Как ректор Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества, что вы считаете главным для ваших студентов?

— Мне кажется, взлет русской культуры, как, впрочем, и европейской, был остановлен нашествием «утвердителей нового искусства», которые, как писал один из их комиссаров Малевич, должны были разрушить старый мир. Был осуществлен погром нашей цивилизации и ее цветущей культуры, и его последствия мы переживаем до сих пор. Задумана была художественная школа, а без нее мы можем выпускать только дилетантов. Все говорит о свободе творчества, о самовыражении, но что может создать художник, если он не умеет профессионально выразить свои мысли-образы, когда ему нечего сказать людям, когда он раб моды или конъюнктуры. Сегодня у нас можно делать что угодно, будучи авангардистом, а творческих индивидуальностей на деле мало. Наша академия ставит перед собой задачу всестороннего развития молодого художника, поскольку, как говорил Делакруа, блажен тот, чье мастерство созрело к моменту созрания его души. Мы получаем тысячи писем со всех концов страны, у нас хотят учиться. Тридцать пять наших студентов недавно подали прошение — освободить их от нанкулы, потому что они хотят заниматься. Сейчас идет реконструкция здания бывшего Училища живописи, ваяния и зодчества, надеемся, что скоро она закончится, и у нас будут свой музей, свои выставочные залы, библиотека. Всероссийская академия художеств как учебное заведение будет широко распахнута для всех талантливых людей с разных концов России, всех национальностей, всех творческих устремлений. Мы хотели бы в меру сил сохранить устои нашей русской школы реализма.

— Вас обвиняют в преподавательском деспотизме. Можно не любить Малевича или Сезанна, но зачем с ними бороться?

— Попробуйте стаманевать, как Лундская, Уланова, Семеника. Это трудно, требует школы, воли, таланта. Но, думаю, всякий может от руки или по линейке начертить квадрат и раскрасить его черной краской. И ведь никому не придет в голову заменить русскую школу классического балета классами аэробики. И если кто-то хочет заниматься абстракцией, для этого не надо учиться, достаточно свободы самовыражения. Это самостоятельность. Школа же должна иметь принципы, она должна давать знания, открывать тайну мастерства и равняться в этом на вершины мирового класса, не забывая при этом, ради чего это делается. Наши студенты не хотят сидеть на Арбате и работать, угождая туристам. Но даже туристы «присутствуют» у тех, кто делает портрет более похожим, а значит, имеет больший талант или большую школу. Пусть у нас будут разные художники, но Рафаэль, А. Иванов, Брюллов, Врубель и другие великие художники прошли школу и только потом приобрели право на свободу творчества. Сейчас, в XX веке, размыты все критерии искусства — есть мода и бизнес, культ дилетантизма.

— Вы часто говорите о несложившихся отношениях с критикой. Появились ли, на ваш взгляд, объективные статьи о вашем творчестве в последнее время?

— Я мало сталкивался с явлением критики в советской печати. Обычно предпочитают задавать мне вопросы, иногда, с моей точки зрения, довольно бесцеремонные. И критика заключается в том, что более или менее правильно передают мои ответы на них. Пока я не знаю ни одной статьи, которая не извращала бы мое творчество. Во времена гласности в советском искусствоведении продолжали жить сталинские тенденции наклеивания ярлыков. Раньше за этим часто следовали репрессии или расстрелы. Часть статей в свой адрес я могу называть политическими доносами, часть — клеветой или оскорблением. Ну как я, например, могу отнестись к тому, что «Московский художник» в честь моего юбилея называет меня художником в кавычках? Газетку эту мало кто знает, но отношение выражено. Говоря о других критиках, памяти Мережковского, можно сказать не о грядущем, а о пришедшем Хаме. Как каждый человек, тем более художник, я не могу не реагировать на клевету и злобу, хотя мои друзья и говорят мне, не обращай внимания, вспомни Крылова: ай Москва, зная она сильна...

— Я слышала, что вы работаете над книгой, о чем она?

— Как и в искусстве, так и в исторической науке действуют группировки и определенные социально-философские концепции, оттого мы ощущаем себя обворованными в знании нашей отечественной истории. Говорят, Юрий не было, а если был Юрий, то немец. Почему мы не верим великому Татишеву, гениальному Ломоносову, что же все отрицать и отрицать, почему не хотим признать, что Юрий — внук Гостомысла. Об этом в своих песнях, сегодня начисто забытых, писала даже Екатерина Великая. Русские ученые на Западе, как и наши дореволюционные историки, уже давно разделялись с нормализмом во всем: от формальных исторических источников Шлегера, Вайера, которые комментировали нашу историю, основываясь не на первоисточниках, а на переводах на немецкий язык наших летописей. Все то же желание вбить в сознание русских их расовую неполноценность. Это было и есть. Сегодня мы должны пересмотреть нашу историю, как и историю славянства в целом. Пора перевести и напечатать древнейшие книги человечества — Ригведу и «Авесту», всерьез заняться санскритом — нашим праязыком.

И мне как гражданину и художнику хотелось бы благоволенно собрать воедино разбросанные святые камни истории, которые, будучи сложены вместе, с моей точки зрения, дадут мозаику величественного лика нашего Отечества — России. — В этом году вам исполнилось шестьдесят лет. Как правительство отметило ваш юбилей? — Как всегда, Советское правительство не проявило ко мне никакого внимания. Мой юбилей отметили мои друзья, и я очень рад, что в этот год состоялась моя благотворительная хоровая программа. Я считаю, что те, кто пришел в эти дни в Манеж, поздравили меня с юбилеем. Для меня высшей наградой является признание народа. — Беседа велась Н. Данилевич. Фото В. Киселева.

